



Е.А. НАЗАРЯН

Воспоминания Морица фон Коцебу о пребывании во французском плену в 1812 – 1814 годах

Несмотря на большой интерес к теме Отечественной войны 1812 года, еще имеются вопросы, требующие более детального изучения. Один из таких вопросов — положение русских офицеров во французском плену в 1812 – 1814 годах и вообще судьба русских военнопленных.

Одним из источников по этой теме являются воспоминания. Цель сообщения — ввести в научный оборот малоизвестные воспоминания русского офицера немецкого происхождения Морица фон Коцебу о пребывании во французском плену с 10 августа 1812 по 27 апреля 1814 года.

Итак, Мориц Августович Коцебу, или, как его еще называли на русский манер — Маврикий Евстафиевич, был сыном весьма популярного в начале XIX века писателя Августа Коцебу. Род Коцебу происходил из Штендаля и был известен еще в начале XV столетия. Август был первым из рода Коцебу, поселившимся в России. У него было 12 сыновей, из которых Оттон — известный мореплаватель; Маврикий — генерал-лейтенант и сенатор; Павел — генерал-губернатор в Одессе, потом в Варшаве, получивший в 1874 году графский титул в России; Вильгельм — посланник в Дрездене и Берне; Александр — известный живописец. Род Коцебу был внесен в дворянский матрикул Эстляндской губернии и во вторую часть Родословной книги Санкт-Петербургской губернии.¹

Мориц Коцебу родился около 1790 года, был воспитанником 1-го кадетского корпуса. С июня 1803 по август 1806 года находился по высочайшему повелению в путешествии вокруг света на фрегате «Надежда» (под командой И.Ф. Крузенштерна) вместе с братом Оттоном.²

В 1806 году был произведен в подпоручики в свиту Его Императорского Величества по квартирмейстерской части.

В 1807 году за отличие под Фридландом, где был ранен, пожалован орденом Св. Владимира 4-й степени с бантом.³ В том же году был командирован на съемку Эстляндской губернии и занимался этой работой до 1810 года. В 1810 году был командирован в разные пункты Российской империи для исправления подробной карты России. Годом позже М. Коцебу был произведен в поручики и назначен в 5-ю пехотную дивизию. 10 августа 1812 года на рекогносцировке при м. Белом был захвачен французами в плен, в котором находился по 27 апреля 1814 года. Пребывание свое в плену он описал в книге «Русский военнопленный среди французов», которая впервые вышла на немецком языке в Лейпциге в 1815 году.⁴ Воспоминания были переведены на английский,⁵ голландский⁶ и шведский⁷ языки. В России книга вышла в 1816 году, и ее название звучит более романтично: «Русский военнопленный, или приключения Морица фон Коцебу в плену французов, изданные Августом Коцебу»⁸ (ссылки на это издание приводятся в тексте). К сожалению, после 1816 года воспоминания не переиздавались. Они не вошли в сборники, выпущенные В.И. Харкевичем, К.А. Военским, В.В. Каллашом. Не упоминает о них А.Г. Тартаковский. Тем не менее, воспоминания М. фон Коцебу позволяют осветить ряд интересных проблем, связанных с нахождением во французском плену русских офицеров.

М. Коцебу подробно описывает маршрут следования русских военнопленных: от Полоцка к Вильно и Ковно, далее в Тильзит, Кёнигсберг, Берлин, Майнц и Суассон.

Самый тяжелый участок пути был от Полоцка до Вильно. Съестные припасы нельзя было купить нигде ни за какие деньги. Коцебу пишет: «Ели все, что попадалось на дороге: зелень, картофель и проч. Если кто каким ни есть чудом находил картофель, то бросал его в общий котел, и такой суп был нам пищею. Таким образом продолжалось восемь дней». И далее: «По удару барабана мы встали, с утешением пошли далее и везде находили опустошенные дома, вырубленные аллеи, улицы, испорченные пушками. Но наше обоняние страдало более, чем взоры, ибо не проходили мы тысячи шагов, чтобы не натолкнуться на убитую лошадь, или на человеческие трупы, которые столько заражали воздух, что часто принуждены были обходить сии места на несколько сот шагов» (Ч. I. С. 54).

Из Полоцка в Вильно военнопленные дошли за 14 дней, преодолев около 90 верст, при этом никаких съестных припасов у них с собой не было. И если из Полоцка вышли 60 человек (среди них был один

офицер — Коцебу), то в Вильно пришли только 24. Коцебу отмечает, что более 30 нижних чинов сбежали по дороге. Охрана было невелика — 20 солдат и один барабанщик, командовал ими поручик Пинеди (Ч. I. С. 50, 89, 90). О нем Коцебу вспоминает с благодарностью: «Пинеди выпросил позволение у коменданта жить мне с ним вместе. Великое благодеяние! Иначе должен бы я был вместе с прочими лежать в церквях на соломе и питаться только хлебом и водою» (Ч. I. С. 91).

Сильно страдал Коцебу от того, что все 14 дней не имел возможности сменить одежду. «Существенным моим помощником был благородный незнакомец, господин Андерсен... он отыскал и с благородным стыдом предложил мне две рубашки...» (Ч. I. С. 93).

Также сетовал Коцебу на то, что письма, которые писали русские офицеры домой, до своих адресатов не доходили. «Напрасно ожидал пять дней я ответа, должен был, наконец, отправиться далее, не узнав, как почитают родные меня: в плену или в числе мертвых» (Ч. I. С. 40).

Коцебу описывает, как было воспринято в Вильно известие о Бородинском сражении. «На третий день моего пребывания прошел слух в Вильно о Можайском сражении, натурально весьма увеличенный. Русское войско совершенно было истреблено. Считали 50 000 мертвыми, 30 000 взятыми в плен, между коими было 20 генералов, 2 000 офицеров и 150 завоеванных пушек. Приказали сделать огромную иллюминацию; пьяные валялись по улице» (Ч. I. С. 93).

Реакцию поляков Коцебу объясняет так: «Поляки вообще думали, что Наполеон за победу свою обязан единственно их авангарду, не зная о том, что войско сие, в самом деле храброе, послал он вперед как первую жертву» (Ч. I. С. 144).

Во время пребывания в Вильно к Коцебу обратилась жена русского офицера, госпожа С., которая просила его подыскать для нее и других оставшихся в городе жен русских офицеров дешевые квартиры. Когда русские войска оставили Вильно и под казенные надобности у местных жителей отобрали всех лошадей, многие офицерские жены не смогли выехать из города и вынуждены были остаться в Вильно. Некоторых выгнали из занимаемых прежде домов или потребовали заплатить за них в несколько раз больше. Так, женщины жили шестером в одной комнате на квартире поляка и подвергались разного рода унижениям. Коцебу уговорил коменданта Вильно выдать жен русских офицеров за французских маркизанток и разрешить им поселиться у старого сврея, который единственный согласился.

Из Вильно военнопленных направили в Ковно. Там Коцебу узнает о пожаре Москвы. «Около вечера пришли к нам множество жидов

с печальными лицами, и рассказывали о взятии Москвы, в чем я сомневался, покуда услышал об ужасном пожаре, в соделании которого до отвратительности хвастались сначала французы, а когда узнали, что сей пожар похитил у них все пропитание, то кричали: «Сии северные тираны не иначе умеют защищать свое отечество, как превращать в пепел свою столицу!» (Ч. I. С. 141 — 142).

В Ковно французских жандармов сменили польские, и, в связи с тем, что почтовые лошади отсутствовали, военнопленных отправили в Тильзит на корабле (Ч. I. С. 144). В Ковно каждый военнопленный получил провиант: по фунту мяса, 1,5 фунта хлеба и чарку водки на день (Ч. I. С. 149).

Пруссия произвела на М. Коцебу сильное впечатление, он не перестает восхищаться: «Подумать можно, что переселился в другой свет, когда приедешь из Литвы в Пруссию. Красивые дома, прекрасные деревни, множество встречающихся маленьких городков, уже издали улыбающихся путешественникам; повсюду честные немцы, которые охотно делили с нуждающимися все, что имели» (Ч. I. С. 165).

«С чувством благодарности упоминаю также здесь об одном трактирщике, который будучи сам человек небогатый, несколько дней кормил безденежно 15 пленников офицеров, и даже одного из них снабдил бельем и платьем. Накануне своего отъезда офицеры пришли к нему проститься. Они написали письмо, в коем с благодарностью извяснили, что делал для них сей человек, поручали его русским начальникам в случае приходу русского войска в Тильзит, а в конце прибавили просьбу довести до сведения государя, что в Тильзите живет человек, который столь великодушию поступал с русскими пленниками» (Ч. I. С. 171). О благожелательном отношении немцев к пленным русским офицерам свидетельствует и такой факт: «Только что хотели мы ехать, как пришел инженерный поручик, с коим познакомился я у доброго обер-форштмейстера. Он принес нам еще пособие, собранное благотельными людьми» (Ч. I. С. 175).

То есть четко прослеживается неоднозначное отношение к русским военнопленным в европейских странах. Так, со стороны поляков — это резкое неприятие всего русского, враждебность, а иногда и неприкрытое хамство, со стороны немцев — в основном сочувствие и желание помочь морально и даже деньгами.

В Кёнигсберге среди военнопленных Коцебу встречает своих друзей. Он пишет: «Здесь же нашел я и майора Свечина, который двумя днями прежде меня попался в плен и — к большой моей радости — давнишнего друга моего ротмистра Гюне, коего давно я не видел и не слышал,

что он опять в службе. Сей храбрый молодой человек записался в Риге волонтером, тотчас дали ему эскадрон гусар, начальствуя коими, многократно он отличался. Но однажды, в запальчивости бросаясь на неприятельскую конницу, не приметил, что гусары его уже опрокинуты, был окружен французами, но не хотя сдаваться, упал, наконец, без чувств с лошади, покрытый 188 ранами, и только в Митаве опомнился, где попечение благодетельных людей спасло ему жизнь» (Ч. I. С. 187).

Когда пришло известие, что французы оставили Москву, то военнопленных было приказано отправить во Францию, а именно в Майнц⁹. Снова начинается длинное и утомительное путешествие. Как выглядели пленные русские офицеры, Коцебу описывает с присущей ему мягкой иронией: «Пленные офицеры, счетом 27 человек, составляли весьма странную картину: один в казацких рейтузах и в бургомистерском фраке с большими стальными туговицами, другой в женском салопе с длинными густыми усами, у того же, кто имел еще мундир, так был истоптан оный, что походил на шахматную доску. Все курили табак и прихлебывали, иной смеялся, другой горько плакал» (Ч. I. С. 190).

Из Кёнигсберга военнопленных отправляют в Берлин. Пленные просажают через небольшие прусские городки. «Однообразно было путешествие наше через Браунберг и Елбинг до самого Мариенбурга, где, к сожалению, нашли мы дурные постоянные дворы и ни одной лошади. Посетили древний рыцарский замок, удивлялись ужасной величине деревянных истуканов, бродили по одной улице взад и вперед, хлопали в ладоши дурному фигурю, скучили еще несколько дней, и, наконец, прибыли на четвертый в красивый Мариенбердер... На другой день прибыли мы в крепость Грауденц. Там посетили мы Офицерский клуб и были приняты с сердечною радостью и дружески беседовали о делах политических; одним словом я познакомился со многими пруссаками, которые и тогда уже столь ревностны были к доброму делу, что ощутили некоторый род радости, когда прошел слух, что пруссаки разбиты близ Риги» (Ч. II. С. 6–7).

Совершенно иное отношение поляков к русским военнопленным «...прибыли в Бромберг. Что город сей принадлежит теперь полякам, доказывает беспорядок в ратуше, где несколько часов дожидались мы квартирного билета, и, наконец, назначили нам дом, который был уже занят. И так мы принуждены были опять идти в ратушу; но господа судьи сидели уже опять за своими кружками и пальцем, омоченным в полливо малевали на столе победы Наполеона. С негодованием и медленно встали они из-за стола, чтобы ненавистным пленникам назначить пристанище.

И польский комендант был столь же неутешив, сколько любозытнана его супруга. Он велел на другой день позвать нас к себе. Мы изумились и думали, не хочет ли сделать нам какого-либо важного открытия; но ничего не бывало: любезная половина его изволила забавляться со своею собакою, и утомясь, для перемены захотела посмотреть русских пленных. Странная была сцена: раскинувшись, сидела она на софе и пристально на нас глядела. Супруг также смотрел и прошептал потом ей что-то на ухо, после чего милостиво кивнула она головою. В четверть часа не сказано было нам ни слова. Наконец, казалось, были они оба в замешательстве, и не знали, как от нас отделаться. Губернаторша вскочила и ушла, губернатор за нею. Мы посмотрели друг на друга и громко засмеялись. Через несколько минут губернатор возвратился. Мы молчали, он также. Сзамешательством поглядел он раза два в окно, кашлянул и начал говорить: «Знаете ли, государи мои, что Москва взята?» — «Знаем, — отвечали мы, — но, также и то, что и французы опять из нее вышли». Но он думал, что это еще не верно, и потом спросил: были ли между нами поляки? Их было двос. Он сделал им предложение вступить в польскую службу, которое отклонили они приличным образом. Наконец, мы лишились терпения и один за другим ушли, не простясь. Это был самый глупый человек; любозытство жены своей мог бы он удовлетворить приличным образом, но только изобличил простоту свою и оскорбил бедных пленников. Город сей был хорош в правление прусское; теперь видны только остатки некоторых прекрасных учреждений, и мы весьма были рады, когда из него выехали» (Ч. II. С. 8–11).

Вследствие болезни Коцебу отстал от основной группы военнопленных и далее следовал самостоятельно. Чтобы повидаться со своей бабушкой, которую ранее никогда не видел, М. Коцебу, в нарушение предписания, отклоняется от маршрута следования и посещает Веймар. Там он встречается с Марией Павловной, третьей дочерью Павла I, женой наследного принца Саксен-Веймарского Карла Фридриха, которая всячески помогала своим соотечественникам¹⁰. Через Морица Коцебу она передает русским военнопленным крупную сумму денег. Также Коцебу сообщает, что «по приказанию Ее Высочества в Буттелстадте находилась целый ирдероб, из которого проезжающие пленники одевались от ног до головы, и каждый по своему чину получал карманные деньги» (Ч. II. С. 50).

Наконец, Коцебу прибыл в Майнц. «На другое утро требовали от меня честного слова, дабы я без позволения никуда не отлучался с назначенного места моего пребывания... Сие делается следующим образом: на листе бумаги, выключая присяги, написано множест-

во вопросов, где родился, как зовут отца, мать и проч. На все эти вопросы надо ответить письменно, потом приложить руку; после чего комендант говорит пленнику, что ему предоставляется свобода. Он заготовил мне новый маршрут в департамент Суассонский (Суассонский. — Прим. ред.), отсчитал прогонные и пожелал мне счастливого пути в коляске, если есть деньги, пешком, если бедняк; но ежели кто может доказать, что ему свыше 50 лет, тому дается верховая лошадь. Конечно не мог я доказать сего, но в сие время года по ужасной грязи идти пешком казалось мне невозможным, чтобы опять не занемочь. Я нашел мужика, который только что ехал с рынку, и взял меня с собою за три франка до Алцея, с уговором, чтобы я держал между ног порожные кадушки с маслом. Дорога и погода были столь дурны, что мы поздно вечером приехали в Алцей» (Ч. II. С. 65—67).

Далее Коцебу едет в почтовой коляске.

Как уже упоминалось выше, пленникам запрещалось отлучаться от намеченного тракта (Ч. II. С. 53), но на свой собственный страх и риск Коцебу решает посмотреть Париж. Как обычно, он все подмечает и делает ряд интересных наблюдений: «Француз не упускает никакого случая, чтобы значить что-нибудь в глазах незнакомца. Едва выговорил я, что желаю видеть лучшие здания города, как и знал уже, где Тюльери, Пале-Рояль и пр. и пр.» (Ч. II. С. 77).

«Скоро очутился я в так называемом повелевающем кругу парижских щеголей; и вот краткое изображение оно: при входе в сие святилище обжорства надлежит хозяйке кивнуть головою, пропеть слова два из какой-нибудь известной арии, поерзать волосы, посмотретья в зеркало, ежели есть дамы нагло уставиться на них в лорнет, не сесть, но развалиться на стуле, и закричать во все горло: *garçon! la carte!* (малой! карты!) тогда бросятся услуживать, получишь ласковый взгляд хозяйки, и за то берут с тебя вдесятеро» (Ч. II. С. 79).

На другой день утром в парижскую гостиницу, где остановился Коцебу, пришел начальник жандармов. Мориц Августович стал изображать простачка, который не знает географии, не знает, где находится Суассон, и просит позволить ему еще на день остаться в Париже. «Уже ли, думал я, воспротивится мне французское тщеславие? Я начал хвалить Париж, превознес его над Петербургом, изъявил желание, когда возвращусь некогда в свое Отечество, чтобы было что рассказать своим землякам, особливо о услужливости и вежливости французов, коиими отличаются они пред всеми народами, и тому подобное. Он улыбался, и хотя упомянул, что теперь гораздо опаснее позволить мне остаться, поскольку был в Париже Наполеон, но согласился исполнить

мое желание с условием, что тотчас велит записать меня в почтовую коляску в Суассон, и завтра сам меня проводит» (Ч. II. С. 90—91).

Потом Коцебу поясняет: «Для меня Петербург гораздо превосходит Париж прекрасными улицами и зданиями. Сеу нельзя сравнить с Невою, не считая великолепной Петербургской набережной из гранита, каковой нигде нет. Что значит славный пантеон против нового Казанского собора. Хотя у нас и нет Лувра, но сколь много огромных и прекрасных дворцов! Конечно, что касается до разсеянности, то Парижу уступаю преимущество» (Ч. II. С. 92).

Приехав в Суассон, Мориц Коцебу подробно описывает как сам город, так и положение военнопленных: «Как скоро пленника представят к коменданту, должен он подписать присягу, как в Майнце, но с условием, что не отлучится от городу далее половины миль; тогда получают без платы квартиру на три дни, но без содержания. По прошествии трех дней должен он уже нанимать за свои деньги. Генерал получал в месяц содержание 150 франков, полковник 100, подполковник и майор 75, капитан 50, поручик или прапорщик 29, унтер-офицерам и солдатам было лучше, т. к. они кроме нескольких денег получали хлеб и мясо, следовательно, не голодали. Из упомянутого видно, что генерал может жить без нужды, полковник посредственно, подполковник и майор с нуждою, но прапорщик еще хуже. Конечно, могут быть они сыты за 29 франков, но чем заплатить за жилище, белье, сапоги и проч.? ... Впоследствии время столь сильно истрепало нашу одежду, что мы ходили без сапог, с изодранными локтями... Если бы каждому тотчас по прибытии выдавалось месячное содержание, то каждый мог бы взять меры: но это казалось правительству весьма опасным. Ибо некоторые могли умереть до истечения месяца, и следовательно выданное жалование не возвращалось бы» (Ч. II. С. 101—104).

Коцебу наблюдает быт и нравы французов и дает им весьма строгую оценку: «О гостеприимстве французы не имеют понятия. Ежели кто приходит во время обеда, тому подают стул и более ничего, а сами покойно кушают» (Ч. II. С. 124). «Французские мужики глупы, бесстыдны и ужасно корыстолюбивы... Русский крестьянин, когда придеши в его жилище, не отпустит не накормя молоком. Ни один французский крестьянин не знает грамоты. Даже в меицанстве считается отличным воспитанием, ежели девушка умеет читать и писать. И образ жизни крестьян весьма жалкой. Редко едят они мясо; одежда их есть балахон из голубой холстины. Толстые деревянные их баишаки производят несносный стук, особливо когда играют они на билиарде, ибо не редко приходят они в кофейные дома с покрытыми

головами, кричат жаргон, курят табак, пьют полливо и играют в марьяж. Неотмисана нечистота в крестьянских избах. На счет вина нечего им завидовать; оно гораздо хуже русского квасу. Кто все это знает, видел и испытал, тот еще более изумится бесстыдным требованиям французских войск в чужих землях» (Ч. II. С. 128—129).

«Соассон довольно богатый город, имеет 6 000 жителей, но ни один не тронулся нашим положением. ...во всем Соассоне (свидетельствуют 200 моих товарищей) ни один хлебник, даже за поручительством самого коменданта, не давал в долг хлеба, и потому многие принуждены были в настоящем смысле просить милостыню» (Ч. II. С. 103—104). «Впрочем, все число пленных офицеров во все время продолжительной войны простиралось только до 260 человек, между коими находился один генерал и, по крайней мере, 60 штатских чиновников, большею частью помещиков, коих, не зная почему, извлекли из среды их семейства и объявили военнопленными» (Ч. II. С. 113—114). «Однако меж нами были весьма образованные люди, например, генерал Тучков, друзья мои Свечин и Гюне, храбрый барон Ганн, полковник Менкден, князь Путятин» (Ч. II. С. 138).

Коцебу много времени проводит с семейством Летиерса, у которого снимает жилье: учит его детей немецкому и, в свою очередь, изучает французский, рисует карту Суассона, периодически общается с коллегами по несчастью. «К сожалению, разговор с пленными не мог быть приятным; ибо безпрестанно жаловались они на несчастье, прервавшее воинское их поприще. Тот и тот, говорили они уже полковник, а может быть и генерал! Я был майором, когда он только что вышел в прапорицки! Тот и тот получили ордена. Если б не был я в плену, то бы и я имел и проч.» (Ч. II. С. 139). Многие военнопленные надеялись, что скоро будет заключен мир, и они возвратятся домой.

Пятяро русских военнопленных решили бежать. «Переодевшись в крестьянское платье, вышли они из Соассона и пошли через Аилль в Дронкирхен, дабы достичь морского берега во Фландрии, где надеялись найти судно и отправиться в Англию. Днем спали, ночью шли. То и другое было опасно; ибо Фландрия плоская страна, не имеющая не только кустарников, где бы скрыться, к тому же не знали они дороги, следственно надлежало беспрестанно спрашивать; это возбудило внимание. Однако ж счастливо прошли они 3/4 пути, борясь с голодом и жаждою. Как вдруг в одну ночь встретились с жандармами, коими и были захвачены. Их пересылали из одной тюрьмы в другую до самого Соассона, но и там посадили их в тюрьму, и только по общей просьбе нашей не заперли вместе с подлыми преступниками. Я был

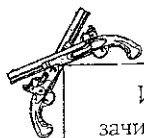
один из немногих получивший позволение посещать их. Какое ужасное зрелище! Едва узнал я их в крестьянской одежде, обросших волосами. Сколько в силах были, облегчали мы участь товарищей. Французы не имели к ним никакого сострадания» (Ч. II. С. 160—161).

«Напрасно льстили мы себя надеждою, что будем выменены на взятых в плен французов генерала Сен-Сира; напротив, в конце ноября пришло повеление отправить нас в Дре, 20 миль за Париж. Довольно покойно прожили мы в Дре до нового 1814 года; тут распространился слух, что союзники перешли Рейн и идут к Парижу. Летиерс (француз, у которого Коцебу жил в Суассоне. — Е.Н.) просил покровительственного письма генерала Тучкова» (Ч. II. С. 169—170). В данной ситуации Мориц Коцебу ведет себя как благородный и смелый человек. Он самостоятельно берется доставить покровительственное письмо по поводу людей, которые были к нему добры. Комендант Дре узнает об отсутствии Коцебу. По возвращении из Суассона его помещают в тюрьму, в крепость Сент-Мало.

«В то время, как содержался я в тюрьме, несчастные товарищи мои в Дре должны были идти в дурное время года и по скверным дорогам в Шартр, подобное повеление получили и многие полки... случалось, что на дороге пленники встречались с солдатами и, наконец, сами не знали куда идти; сильные вытесняли слабых. Едва товарищи мои прибыли в Шартр, как должны были выступить опять из одного по причине драгунского депо. Ступайте в Орлеан, говорили им, там довольно места; но и в Орлеане были два кирасирских депо. Им советовали идти в Брест, где одни только матросы; в Бресте было уже приказано отправить их в Ренн. Хотя и там находились также войска, однако ж сжалились над измученными голодом и почти нагими, и там были они до самого освобождения. Впрочем, в Бретани и Нормандии находилось довольно роялистов, кои помогали пленникам» (Ч. II. С. 195—196).

«Когда Людовик XVIII был провозглашен, то депутация убедительно просила генерала Тучкова отправлять должность префекта, куда король назначит другого. Трудно было ему отказаться. Он писал ко мне, чтобы я поспешил в Ренн разделить всеобщее восхищение» (Ч. II. С. 196—197).

«Два дни пробыл я в Ст. Мало, потом спешил в Ренн, а оттуда к товарищам моим в Париж, где свидание с семейством Летиерса доставило мне сладчайшую минуту в моей жизни. Так за спасение свое обязаны они письму, которое я им доставил. Генерал Винценгероде и добрый мой дядя генерал Розен тотчас исполнили просьбу несчастных своих товарищей. Бог да наградит их! Мне же сие известие было заменою за все мои несчастья!» (Ч. II. С. 198).



Известно, что после освобождения из плена М. Коцебу был вновь зачислен на службу в свиту Его Императорского Величества. В 1834 году был произведен в генерал-майоры со старшинством от 15 октября, в 1847 — в генерал-лейтенанты со старшинством от 23 марта, в 1855-м назначен сенатором Варшавского департамента Правительствующего Сената. Умер Мориц Августович в 1861 году.

Таким образом, в результате анализа воспоминаний М. Коцебу можно проследить маршрут следования русских военнопленных по Литве, Пруссии и Франции, а также узнать, какие суммы выделялись на содержание русских военнопленных, порядок их размещения, настроения и досуг, наказания за побег и нарушения установленного режима содержания.

Тонко подмечены Морицем Коцебу нравы французов, поляков и немцев, их бытовые особенности. Воспоминания дают также прекрасный материал для биографии самого М. Коцебу. Кроме того, в них упоминаются некоторые подробности, касающиеся других русских военнопленных, таких как майор Свечин, ротмистр Гюне, генерал П.А. Тучков и др.

¹ Энциклопедический словарь. Т. 16. Конкорда — Колон. СПб: Типо-литография И.А. Ефрона, 1895. С. 460.

² Русский биографический словарь / Под ред. А.А. Половцова. Т. 9. СПб., 1901. С. 355.

³ Список кавалерам императорских орденов всех наименований за 1829 г. Ч. III. СПб., 1830. С. 21.

⁴ Kotzebue M., von. Der russische Kriegsgefangene unter den Franzosen. Leipzig, 1815.

⁵ Kotzebue M., von. The Russian Prisoner of War among the French. L., 1816.

⁶ Kotzebue M., von. Verhaal der fransche kriegsgevangenschap (Augustus 1812, tot April 1814). Amsterdam, 1815.

⁷ Kotzebue M., von. Den ryske krigsfångnen ibland fransmännen. Westeras, 1816.

⁸ Коцебу М. Русский военнопленный, или приключения Мориса фон Коцебу в плену французов, изданные Августом Коцебу. Ч. I — II. М., 1816.

⁹ Майнц в 1793 году захвачен французами, затем отбит прусской армией; с 1794 года в составе Рейнской области отошел к Франции.

¹⁰ Мария Павловна Романова (16.02.1786, Павловск — 23.06.1859, Веймар) — великая княжна, дочь Павла I и Марии Федоровны. С 1804 года замужем за наследным принцем Карлом-Фридрихом Саксен-Веймарским. С 1828 года герцогиня Саксен-Веймарская и Эйзенахская. В историю Веймара Мария Павловна вошла как величайшая меценатка. Она создала музей, посвященный памяти великих веймарцев - Гете и Шиллера. Пригласила в Веймар пианиста и композитора Ференца Листа. В 1852 году основала «Общество истории». На ее личные пожертвования был основан знаменитый на всю Европу Институт Фалька, с приютом для беспризорных детей на двести мест.